

НАШ
КАЛЕНДАРЬ

О РОДИНЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

75 лет со дня
рождения
Алексея Толстого

ОБ АЛЕКСЕЕ Николаевиче Толстом можно писать тома. И их пишут. Рассказать о нем в короткой статье невозможно, потому что это писатель с богатым творческим наследием, разносторонний, умный, удивительно ярко и рельефно умеющий рисовать словами...

Но у каждого подлинного художника есть своя неповторимая индивидуальность, то, что принято называть своеобразием творческого лица. Это своеобразие определяется разными причинами. У Алексея Толстого творческая индивидуальность освещена ясным и прямым восприятием жизни, четкой и мудрой мыслью, большой любовью к Родине.

Одно из интереснейших его произведений — «Хромой барин» кончается такой фразой: «— Люблю, люблю, конечно, — сказала она и помогла мужу подняться».

Звучит она с силой почти символической. В ней заключена центральная мысль повести и выражена одна из основ авторского мироощущения — в жизни всегда есть здоровое, светлое, доброе начало, и оно побеждает. Любовь поднимает человека, наполняет

жизнь смыслом и радостью.

Толстой был предельно правдивым художником. Поэтому заводской цикл его произведений, рисующий уходящее дворянство, пронизан именно этим мотивом. Ведь выброшенной историей за борт общественной жизни, пережившим свое время дворянам в пору, когда вырубались «вишневые сады», не оставалось ничего, кроме интимных радостей, узко личных чувств.

И еще одна черта писателя: в своем творчестве он был кровно связан с народом. В фольклоре и летописях, памятниках русской письменности он черпал и тонкое чувство языка, и силу художественной правды.

Был в жизни писателя трудный период, когда, излечившись от увлечения декадентством, он, казалось, «исписал» себя. Не было тем, не клеились слова в выразительные гаммы образов.

— Почему фраза должна быть написана именно так, а не иначе? Почему именно таким, а не иным должен быть порядок слов в предложении?

Это была та самая «мука слова», о которой великий стилист Флобер писал, что нет муки сильнее.

Точку опоры Толстой нашел в сокровищницах народного творчества, в записях дьяков петровских и более ранних времен — документах огромной точности и подлинно жизненной, живой лаконичности. Людей пытали в мрачных подвалах, и, вися на дыбе, извиваясь в крике, они давали свои показания. В каждом слове была естественность — ни следа вычурности, искусственности, которые всегда находят себе место — в литературном произведении. А на пороге смерти — не до того. Дьяки почти дословно записывали эти вопли страдания, чтобы потом на досуге извлечь из них нужные сведения.

Писатель извлек из них мудрую мысль: за словом стоит жест — внешний или внутренний. Этот жест — выражение душевного состояния человека в данную минуту — и должен обусловить форму фразы, ее построение. Отсюда замечательное мастерство Толстого — умение живописать словами, лепить из слов скульптуры образов и мыслей.

«Не бойтесь, что фраза холодна — она сверкает». Сказав это, писатель выразил требование лаконичности — «чтоб словам было тесно, а мыслям просторно» — и простоты языка, которая делает его прекрасным.

Годы прошли, и писатель, совершив свой путь «хождения по мукам», понял и поверил в светлое утро Родины — в революцию. Окреп и созрел его художественный талант, всепоглощающую любовь к отечеству и человеку он воплотил в ярких образах.

«Хожение по мукам», «Петр I», публицистические статьи и рассказы военных лет да и все его творчество вошли в золотой фонд нашей литературы.

Пришли новые поколения советских писателей, новые таланты. Любви к Родине, неутомимой творческой энергии, отточенному художественному мастерству они учатся у Пушкина, Лермонтова, Горького, Гоголя, Толстого... Вместе с лучшими художниками прошлого Алексей Толстой принадлежит нам и миру.

В. ГОГИТИДЗЕ.